

Александр Степанов

МОНОЛОГ КРОКОДИЛА К. И. ЧУКОВСКОГО: К ПРОБЛЕМЕ ИСТОЧНИКОВ И ПЕРЕКЛИЧЕК

Статья посвящена источникам монолога Крокодила из сказки К. И. Чуковского и его переключкам с русскими поэтическими текстами преимущественно XIX в. Этот монолог, написанный 4-ст. ямбом с мужской парной рифмой, выделяется из полиметрической композиции поэмы протяженностью, «гражданским» звучанием, цитатностью, пародичностью. Он вызывает ассоциации с кругом текстов, обладающих метрической, лексической, мотивной, сюжетной общностью. Все они восходят к «Шильонскому узнику» Дж. Байрона в переводе В. А. Жуковского, а из оригинальных русских произведений — к «Мцыри» М. Ю. Лермонтова. В сказке Чуковского исходный структурно-семантический комплекс пародически переосмыслен. Создавая «младшую», «детскую» ветвь революционного эпоса (как отмечали Б. М. Гаспаров и И. А. Паперно), автор обращался прежде всего к наследию русской классической поэзии. Адаптируя ее к восприятию ребенка, он в то же время оставлял в сказке семантический зазор для искушенного читателя. Монолог Крокодила, содержащий мотивы свободы, заточения, исповеди, страдания, угнетения, готовил юного читателя к восприятию романтической и демократической поэзии, которая ожидала его на новом этапе литературного развития («произведения для юношества»).

Ключевые слова: Стихование, мужская рифма, семантика, ритмические переключки, К. И. Чуковский, русская поэзия для детей.

Предмет статьи — ритмические переключки между монологом Крокодила из сказки К. И. Чуковского¹ и произведениями русских поэтов преимущественно XIX в. Задача — очертить круг близких и отдаленных контекстов, которые могли быть как источниками

Александр Геннадьевич Степанов
Тверской государственный университет, Тверь
Ланьчжоуский университет, Китай
poetics@yandex.ru

указанного фрагмента, так и изоморфными ему стиховыми структурами. Большинство текстов, представляющих собой жанр романтической поэмы, подсказаны статьей В. М. Жирмунского «Стих и перевод (из истории романтической поэмы)» [Жирмунский 1966, 423–433]. С монологом Крокодила ученый их не соотносил. Но другие исследователи воспринимали произведение Чуковского как своеобразный «палимпсест», обнаруживая источники сказки и ее переключки с текстами русской поэзии и низовой, массовой культурой: [Петровский 1962; Петровский 1966; Петровский 1986; Петровский 2002, 5–60; Петровский 2011], [Гаспаров, Паперно 1975, 165–169], [Безродный 1987, 62–63], [Тименчик 2011, 72–83]². Между тем специальной работы о мужской парной рифме в 4-ст. ямбе, которым написан монолог Крокодила, мы не встретили. Отсюда желание обобщить наблюдения коллег, по-другому выстроив материал. Для его осмысления избран гаспаровский подход, ориентированный на изучение стиховых механизмов сохранения и передачи культурной памяти.

Особенностью классического стиха является способность вызывать ритмико-семантические ассоциации, которые могут генерировать новый текст, подсказывая поэту движение мысли. В исследуемом фрагменте сказки реализуется именно та форма культурной памяти, когда кажется, что стихотворный размер «говорит не то, что хочет поэт, а то, что хочет он сам» [Гаспаров 2000, 311].

Мы постараемся также ответить на вопрос, почему Чуковский прибегает к пародичности, создавая сказку для детей. Ведь ни дошкольники, ни младшие школьники не знают претекстов и, следовательно, не могут опознать цитаты, например, из «Мцыри» М. Ю. Лермонтова.

Монолог Крокодила возникает во второй части (9-я глава) сказки как свидетельство существования оксюморонного пространства — сада-тюрьмы. На просьбу царя Гиппопотамы рассказать о жизни в Петрограде герой отвечает трагическим повествованием о мучениях зверей в зоопарке:

И встал печальный Крокодил
И медленно заговорил:
— Узнайте, милые друзья,
Потрясена душа моя,
Я столько горя видел там,
Что даже ты, Гиппопотам,
И то завыл бы, как щенок,
Когда б его увидеть мог.

Там наши братья, как в аду —
 В Зоологическом саду.
 О, этот сад, ужасный сад!
 Его забыть я был бы рад.
 Там под бичами сторожей
 Немало мучится зверей,
 Они стенают, и зовут,
 И цепи тяжкие грызут,
 Но им не вырваться сюда
 Из тесных клеток никогда.
 <...>

[Чуковский 2013, 107]

Этот фрагмент выделяется из полиметрической композиции произведения протяженностью (68 строк), ритмической формой (Я4аабб...), «гражданским» звучанием, темой страдания и угнетения, цитатностью, пародичностью. При этом форма стиха узнается не только благодаря Лермонтову, осваивавшему сплошные мужские рифмы [Розанов 1941, 428–440], но целому кругу произведений, связанных общими типологическими и генетическими признаками.

Ближайшая ритмико-семантическая параллель, на которую указал сам автор, отбиваясь от нападок Н. К. Крупской, — поэма Лермонтова «Мцыри» (1839) [Чуковский 2012, 613]. В ней, как и в «Крокодиле», исповеди героя предшествует появление слушателя — монаха³:

Тогда пришел к нему чернец
 С увещаваньем и мольбой;
 И, гордо выслушав, больно
 Привстал, собрав остаток сил,
 И долго так он говорил...

[Лермонтов 1980, 407]

а контрастом к заточению зверей становится их жизнь в дикой природе:

Порой в ущелии шакал
 Кричал и плакал, как дитя,
 И, гладкой чешуей блестя,
 Змея скользила меж камней;

[Лермонтов 1980, 412]

...Какой-то зверь одним прыжком
 Из чаши выскочил и лег,
 Играя, навзничь на песок.
 То был пустыни вечный гость –
 Могучий барс. Сырую кость
 Он грыз и весело визжал...

[Лермонтов 1980, 417]

В «Боярине Орше» (1835–1836) герою тоже требуется собеседник, точнее рассказчик, в роли которого выступает слуга:

<...>
 Садись поближе на скамью
 И речью грусть рассей мою...
 Пожалуй, сказку ты начни
 Про прежние златые дни,
 И я, припомнив старину,
 Под говор слов твоих засну.

[Лермонтов 1980, 249]

На возможность отдохнуть во время рассказа рассчитывает и важный гость у Чуковского:

И говорит Гиппопотам:
 —О Крокодил, поведай нам,
 Что видел ты в чужом краю,
 А я покуда подремлю.

[Чуковский 2013, 106]

Поэмы Лермонтова — далеко не единственный претекст интересующего нас фрагмента сказки. Работая над книгой о Некрасове и готовя к изданию собрание его сочинений, Чуковский находился в окружении его ритмов⁴. Печально-скорбные интонации 4-ст. ямба с мужской рифмой могли прийти из стихотворения «На Волге (Детство Валежникова)» (1860), вызвав сострадание не только к бурлаку, но и к жертве зоосада:

«На Волге»

«Крокодил»

...Но тот, который их сказал,
 Угрюмый, тихий и больной,
 С тех пор меня не покидал!
 Он и теперь передо мной:

Вы помните, меж нами жил
 Один весёлый крокодил...
 <...>
 А ныне там передо мной,

Лохмотья жалкой нищеты,
 Изнеможенные черты
 И, выражающий укор,
 Спокойно-безнадежный взор...
 <...>
 О, горько, горько я рыдал,
 Когда в то утро я стоял
 На берегу родной реки...

[Некрасов 1981, 90–91]

Измученный, полуживой,
 В лохани грязной он лежал
 И, умирая, мне сказал:
 <...>
 Сказал и умер.
 Я стоял
 И клятвы страшные давал...

[Чуковский 2013, 107–108]

Важное место среди источников обличительного монолога занимает «Мик» Н. С. Гумилева⁵. Поэт рассчитывал увидеть его в журнале «Для детей», созданном Чуковским во второй половине 1916 г. Поэма должна была войти в четвертый номер журнала, но так и не была напечатана [Петровский 2011]. В памяти Чуковского текст Гумилева сохранился в виде ритмико-лексических формул, которые хорошо распознаются «среди полупародийных или вовсе пародийных всплесков, иронического подмигивания в сторону чужих текстов» [Петровский 2011]:

«Мик»

Эй, носороги, эй, слоны,
 И все, что злобны и сильны,
 От пастбища и от пруда
 Спешите, буйные, сюда,
 Ого-го-го, ого-го-го!
 Да не щадите никого.

[Гумилев 1999, 9]

За этою горой есть дом,
 И в нем живет мой сын в плену.
 Я видел, как он грыз орех,
 В сторонке сидя ото всех.
 Его я шепотом позвал,
 Меня узнал он, завизжал...

[Гумилев 1999, 19]

«Крокодил»

Вы так могучи, так сильны,
 Удавы, буйволы, слоны...
 <...>
 Вставай же, сонное зверье!
 Покинь же логово своё!
 Вонзи в жестокого врага
 Клыки, и когти, и рога!

[Чуковский 2013, 108]

Вы помните, меж нами жил
 Один весёлый крокодил...
 Он мой племянник. Я его
 Любил, как сына своего.
 <...>
 А ныне там передо мной,
 Измученный, полуживой,
 В лохани грязной он лежал...

[Чуковский 2013, 107]

«Резонно предположить, — замечает М. В. Безродный, — что сказка Чуковского явилась и освоением гумилевского опыта созда-

ния поэмы для детей на „африканском материале“, — и в то же время — пародией на „буссенаровщину“, на тяготение к южной экзотике и пафосу битвы в творчестве Гумилева» [Безродный 1987, 62].

Более глубокий слой ритмико-семантических аллюзий указан в работе Б. М. Гаспарова и И. А. Паперно — «Шильонский узник» Дж. Байрона [Гаспаров, Паперно 1975, 168]. Благодаря мотивам тюрьмы и исповеди, поэма Байрона повлияла на создание целой группы произведений, героями которых оказывались либо пленники, либо монахи и отшельники [Розанов 1920, 67]. Перевод поэмы в 1822 г. В. А. Жуковским, сохранившим и упорядочившим сплошные мужские рифмы в виде парных двустушии, стал для русского читателя событием огромной важности: «то, что в английской поэзии было нормальным общим явлением, воспринято было читателями Жуковского как специфическая стилевая особенность данного произведения, подсказанная его содержанием и эмоциональной окраской» [Жирмунский 1966, 429]. В. М. Жирмунский приводит слова П. А. Плетнева, полагавшего, что Жуковский «не без намерения держался» сплошных мужских рифм: «Предмет поэмы... требовал языка отрывистого и сильного, который от мужеских стихов получил особенную твердость и естественность» [Жирмунский 1966, 429].

Помимо темы заточения и тирании (ср.: «Цепями теми были мы / К колоннам тем пригвождены» у Жуковского; «Они стенают, и зовут, / И цепи тяжкие грызут» у Чуковского), текст сближает внимание к умирающему в застенках (клетках) родственнику героя. У Жуковского это любимый младший брат рассказчика, у Чуковского — племянник:

«Шильонский узник»

Наш младший брат, любовь отца...
Увы! черты его лица
И глаз умильная краса,
Лазоревых как небеса,
Напоминали нашу мать.
Он был мне всё, и увядать
При мне был должен милый цвет,
<...>
Как утро, был он чист и жив;
Умом младенчески игрив,
Беспечно весел сам с собой...

«Крокодил»

Вы помните, меж нами жил
Один весёлый крокодил...
Он мой племянник. Я его
Любил, как сына своего.
Он был проказник, и плясун,
И озорник, и хохотун...

[Чуковский 2013, 107]

[Жуковский 1956, 480–481]

Беззаботная веселость младшего брата из «Шильонского узника» пародически гиперболизирована в образе Крокодилова племянника. Он получает разговорные номинации («проказник», «плясун», «озорник», «хохотун»), сохраняющие трагикомическую окраску, если помнить, что их носитель — представитель класса рептилий.

Та же мужская рифма, ставшая «на русской почве метрической калькой» [Жирмунский 1966, 429], придавала безысходно-трагическое звучание другому переводу Жуковского — стихотворной повести «Суд в подземелье» (1831–1832). Поэт превратил в законченное произведение вторую главу романтической поэмы В. Скотта «Мармион» (1808). В ней рассказывается о любви английского рыцаря и монахини, которую тот уговорил бежать из монастыря. Мотив бегства связывает «Суд в подземелье» с «Мцыри» Лермонтова, а невозможность вырваться из заточения сближает рассказ Крокодила о страданиях зверей с жестоким наказанием (погребение заживо) для сестры Матильды:

«Суд в подземелье»

«Крокодил»

И казни страх ей весь открыт:
В стене, как темный гроб, прорыт
Глубокий, низкий, тесный вход;
Тому, кто раз в тот гроб войдет,
Назад не выйти никогда...

...Но им не вырваться сюда
Из тесных клеток никогда.

[Чуковский 2013, 107]

[Жуковский 1956, 539]

Та же обреченность, но доведенная до крайностей романтического стиля, слышится в «Нищем» А. И. Подолинского (1830). Поэма представляет собой нагромождение невероятных событий и роковых страстей на фоне экзотической (итальянской) природы. Герой сбрасывает ночью со скалы избранника понравившейся ему девушки, в котором узнает по голосу брата. За непреднамеренное убийство следует наказание — длительное тюремное заключение, сопровождаемое муками совести. Критика не приняла «Нищего», посчитав его «подражанием „Шильонскому узнику“ прежде всего благодаря... метрической форме» [Жирмунский 1978, 289]:

Очнулся я — вокруг гляжу:
Темно везде; и я сижу
На чем-то жестком, и рука
Мне крепко сжата; — я слегка
Ее приподнял... тяжела!

Хочу привстать — и замерла
 Душа от страха: цепи звук
 Внезапно слышу я вокруг!

[Подолинский 1985, 407]

Произведение Подолинского написано без тени сомнения автором в достоверности происходящего. Но для здравомыслящего современника содержание исповеди героя было так же далеко от реальности, как Россия — от Италии. В рецензии, построенной как комментированный пересказ «Нищего», А. А. Дельвиг не смог удержаться от язвительной иронии, вызванной поступками героя: «Невольное братоубийство подействовало не на сердце его, а на голову. <...> Чем бы кинуться к несчастному брату на помощь, или, если это напрасно, постараться, по крайней мере, пока жив он, вымолить у него прощение, он преспокойно проговорил следующее непонятное заклинание и упал в обморок... <...> Пришед в себя и пропев целую идиллию о красоте утра, насилиу воспоминает он о своем поступке...» [Дельвиг 1830, 154].

Так в литературном сознании вырабатывалась пародическая позиция и к романтической поэме как жанру, и к сюжету об узнике, и к сплошным мужским рифмам, закрепляющим эти жанрово-тематические ассоциации. Мы могли наблюдать это в «Крокодиле». Между тем первым, кто откликнулся пародией на «Шильонского узника», был Н. М. Языков. Парафразой звучат заглавие его «Валдайского узника» (1824, опубликовано 1934), продолжившего традиции ироико-комической поэмы, и первая строка: «Смотрите на меня: я худ!» (у Жуковского: «Взгляните на меня: я сед»). Словосочетание «умом игрив» отсылает к строке «Умом младенчески игрив» из «Шильонского узника».

Произведения Языкова и Чуковского содержат ритмико-синтаксические и семантические переключки. Первые возникают, когда оба рассказчика описывают ненавистный им локус. Один вынужден пребывать в нем по долгу службы («Вдруг мне приказано: в Валдай!»), другой — скорее, как случайный наблюдатель. В обоих текстах имеются анафорические повторы указательных наречий, но с противоположным пространственным значением:

«Валдайский узник»

«Крокодил»

Здесь мне на сердце налегла:
 <...>

Там наши братья, как в аду –
 <...>

Здесь неизвестный сладкий грех!

Там под бичами сторожей...

<...>

Здесь — для прокату — нет девиц.

<...>

Здесь из грибов — лишь мухомор,

<...>

Здесь ни лилея, ни ямин,

<...>

Здесь воет под моим окном.

[Языков 1964, 116–117]

Разумеется, парность наречий не более чем совпадение. Страдания героев несопоставимы. Если валдайский узник жалуется на отсутствие девиц «для прокату» (чем славился Валдай), то Крокодил Крокодилович перечисляет действительные мучения.

Вторая группа переключек, также непреднамеренных, связана с контрастным положением зверей (у Языкова и птиц) в природных условиях и в неволе:

«Валдайский узник»

И серый волк, тех гор жилец,
В угрюмом сумраке ночном
Здесь воет под моим окном.
И грозный филин — страж ночей –
<...>

Кричит — и голос гробовой
Ужасно вторится в горах.
<...>

Протяжные стенанья сов,
<...>

Тревожат краткий отдых мой.
Когда ж засну, то надо мной
Иль крысы завизжат во пре,
Иль в завалившейся норе
Уныло заскребется мышь;
То по доскам соседних крыш
Забегают коты — и я,
Кляня причину бытия,
Котов влюбленных слышу вой,
Отрывный, дикий и глухой.

[Языков 1964, 117]

<...>

Там слон — забава для детей,

<...>

Там человечья мелюзга...

[Чуковский 2013, 107]

«Крокодил»

Там под бичами сторожей
Немало мучится зверей,
Они стенают, и зовут,
И цепи тяжкие грызут,
Но им не вырваться сюда
Из тесных клеток никогда.
Там слон — забава для детей,
Игрушка глупых малышей.
Там человечья мелюзга
Оленю тербит рога
И буйволу шекочет нос,
Как будто буйвол — это пёс.

[Чуковский 2013, 107]

Перечень живых существ у Языкова завершается пародическим образом влюбленных котов. Его можно встретить, например,

в пушкинском «Домике в Коломне» (1830), но в бестиарий романтической поэмы коты вряд ли входят.

Отметим также ритмико-синтаксические и лексические параллели между произведениями Жуковского и Языкова:

«Шильонский узник»

«Валдайский узник»

<...>

В оцепенении стоял,
 Без памяти, без бытия,
 Меж камней хладным камнем я;
 И виделось, как в тяжком сне,
 Всё бледным, темным, тусклым мне;
 Всё в мутную слилося тень;
 То не было ни ночь, ни день,
 Ни тяжкий свет тюрьмы моей,
 Столь ненавистный для очей:
 То было тьма без темноты;
 То было бездна пустоты
 Без протяженья и границ;
 То были образы без лиц;
 То страшный мир какой-то был,
 Без неба, света и светил,
 Без времени, без дней и лет,
 Без промысла, без благ и бед,
 <...>

<...>

Отчаяньем терзался я
 И жил — почти без бытия!
 Весь мир казался мне чужим,
 Недвижным, диким и пустым!
 То был какой-то страшный свет,
 То был хаос без дней и лет,
 Без тяжести, без тел и мест,
 Без солнца, месяца и звезд,
 Без господ и без людей,
 Без подсудимых и судей,
 Без властелинов и рабов,
 Без атеистов и попов,
 Без цели действий и причин,
 Без жен, девиц и без мужчин,
 Без глупостей и без ума!..
 Ни день, ни ночь, ни свет, ни тьма!

[Языков 1964, 120]

[Жуковский 1956, 485]

Строки Языкова, основанные на грамматическом параллелизме, соответствуют состоянию душевной дезориентации героя Жуковского. Лишь нагнетание предлога «без» в функции анафоры и антонимических понятий из разных тематических сфер позволяют увидеть в приведенном фрагменте пародический перелёв источника.

Попытку расширить композиционные рамки поэмы при сохранении других ее признаков предпринял И. С. Тургенев в «Разговоре» (1844). Вместо привычного повествования от первого лица читатель слышит диалог, один из участников которого — старик-отшельник. Между тем сплошные мужские рифмы, будучи приметой романтического стиля, вызвали упрек К. С. Аксакова в подражании «Разговора» Лермонтову [Аксаков 1845, 49]:

В пещере мрачной и сырой
 Отшельник бледный и худой

Молился. Дряхлой головой
 Он наклонялся до земли;
 И слезы медленно текли
 По сморщенным его щекам,
 Текли по трепетным губам
 На руки, сжатые крестом.

[Тургенев 1970, 261]

С байроновско-лермонтовской линией в истории русской романтической поэмы «Разговор» Тургенева связан, помимо формы стиха и тона исповеди, стихией напряженной, патетической речи. Она присутствует и в репликах Старика и Молодого человека, которые говорят о «цепях», «неправде», «гражданах», «славном поприще Добра» [Ямпольский 1970, 48], и в речи Крокодила, выступающего за права зверей.

Традицию Лермонтова, требующую мужских рифм для монолога героя, подхватывает Ап. Григорьев в «Предсмертной исповеди» (1846). Не ограничиваясь парными созвучиями, он использует кольцевые, перекрестные рифмы, часто в нерегулярной последовательности. Мужские «английские» окончания здесь «настаивают на твердости духа» [Бродский 2000, 22]:

Он умирал один, как жил,
 Спокойно горд в последний час;
 И только двое было нас,
 Когда он в вечность отходил.
 Он смерти ждал уже давно;
 Хоть умереть и не искал,
 Он всё спокойно отстрадал,
 Что было отстрадать дано.

[Григорьев 2001, 196]

Мотив заточения в произведении сюжетно не представлен (он реализован лишь как метафора в стилистике текста: «Что в нас окованное ждет / Минуты цепи разорвать... <...> В темнице тела пленено» [Григорьев 2001, 202]), а вся экспрессия скорби сконцентрирована в центральном мотиве — исповеди:

И, приподнявшись потом,
 Стал тихо, твердо говорить.
 Я слушал... В памяти моей
 Доселе исповедь жива;

Мне часто в тишине ночей
Звучат, как медь, его слова.

[Григорьев 2001, 201]

Сила последнего слова, с которым умирающий обращается к рассказчику, сближает произведения Ап. Григорьева и Чуковско-го:

«Предсмертная исповедь»

«Крокодил»

И с этим словом на устах
Замолк он: больше не слышал
Ни звука я;

Сказал и умер.
Я стоял...

[Чуковский 2013, 108]

[Григорьев 2001, 210]

Завершая представленную ретроспективу, вспомним еще об одном тексте, написанном в начале XX в. — «Исполненное обещание» В. Я. Брюсова (1901–1907). Восторженное посвящение в черновой рукописи (зачеркнутое) объясняет стилистический строй произведения: «Посвящаю В. А. Жуковскому, поэту нашей детской мечты, сказочнику, которому мы все обязаны лучшими часами наших детских лет» [Васильев, Щербаков 1973, 653]. Брюсов создал профессиональную стилизацию романтической поэмы, чье художественное изящество лишь подчеркивало архаичность жанра. Между тем поэма решительно не понравилась рецензенту (Ю. Александровичу, псевдоним А. Н. Потеряхина), объявившему её в рецензии, напечатанной в газете «Раннее утро» (1908, № 120), «полным ничтожеством в художественном смысле» [Цит. по: Ашукин, Щербаков 2006, 157]. Возможно, одной из причин столь суровой оценки были вменяемые Брюсову в вину ритмико-синтаксические и лексические переключки с текстами Пушкина, Лермонтова, Ростопчиной, Надсона. Автор рецензии воспринял их как знак подражательности, а не рефлексивности, которая отличает стилизаторство от эпигонства⁶.

Тюремная ситуация решена Брюсовым в манере Жуковского — из темницы нет выхода:

Глуха подземная тюрьма.
В ней смрад и сырость, тишь и тьма.
Порой в ней тени говорят,
И кости давние стучат
Под непривычною ногой,

Рождая отзвук гробовой, –
Но звуки, умирая тут,
Гранитной толщи не пробьют,
Ни в замке, ни среди полей
Ничьих не возмутят ушей!
И с воли к тем, кто здесь забьют,
Зов ни один не долетит!

[Брюсов 1973, 550]

У Чуковского, напротив, звучит страстный призыв к свободе:

<...>
Вы так могучи, так сильны,
Удавы, буйволы, слоны,
Мы каждый день и каждый час
Из наших тюрем звали вас
И ждали, верили, что вот
Освобождение придёт,
Что вы нахлынете сюда,
Чтобы разрушить навсегда
Людские, злые города,
Где ваши братья и сыны
В неволе жить обречены!

[Чуковский 2013, 108]

Как видим, монолог Крокодила составляет часть «интертекстуального потомства» (А. К. Жолковский) «Шильонского узника», занимая в нем особое место. Исходный семантический комплекс оказался пародически переосмыслен с учетом «двойного» реципиента: «текст для детей и подтекст для взрослых — такова была новая форма „детского“ произведения. Знаменитый Блок и сказочник-дебютант Чуковский выступали вместе на литературных вечерах перед революционной публикой: в первом отделении Блок читал „Двенадцать“, во втором Чуковский — „Крокодила“. Поэмы образовывали своего рода петроградский диптих, в котором реальность отражалась в двух зеркалах — трагедии и комедии. „Музыка революции“ в обеих поэмах звучала общая — с множеством ритмических „цитат“ и аллюзий, взаимных переключек» [Арзамасцева 2006, 250]. Создавая «младшую», «детскую» ветвь революционного эпоса [Гаспаров, Паперно 1975, 169], Чуковский обращался прежде всего к наследию русской классической поэзии. Адаптируя ее к восприятию ребенка («перевод на „детский“ язык великих тра-

диций русской поэзии...» [Петровский 2002, 13]), он в то же время оставлял семантический зазор для искушенного читателя. Помимо классической поэзии, в сказке нашла отражение акмеистская трактовка двух больших гумилевских тем — Африки и войны. Обе «были подвергнуты Чуковским пародийной переработке» [Арзамасцева 2006, 265].

Что же касается детской аудитории, то монолог Крокодила Крокодиловича, содержащий мотивы свободы, заточения, исповеди, страдания, угнетения, готовил юного читателя к восприятию романтической и демократической поэзии, которая ожидала его на новом этапе литературного развития («произведения для юношества»).

Примечания

- ¹ По словам Чуковского, он читал «Крокодила» в октябре 1915 г. на Бестужевских курсах [Чуковский 2012, 612]. Сказка «Ваня и Крокодил» публиковалась с января по декабрь 1917 г. в двенадцати выпусках приложения «Для детей» к журналу «Нива» [Крокодил 2018].
- ² Работа написана в 1970 г.
- ³ Ср. с ранней поэмой Лермонтова «Исповедь» (1831), где визит старца к молодому пленнику в монастырскую тюрьму играет роль сюжетной мотивировки монолога героя.
- ⁴ Так, начало третьей части «Крокодила» о девочке Лялечке ритмически соответствует рассказу «О двух великих грешниках» из поэмы «Кому на Руси жить хорошо», а финал сказки содержит параллели с «Сашей», «Несжатой полосой», «Псовой охотой» [Гаспаров, Паперно 1975, 166–167].
- ⁵ Весомые доказательства ее влияния на сказку Чуковского приведены в публикации: [Безродный 1987, 62].
- ⁶ Помимо ритмических параллелей, в поэме имеются сюжетные переключки с новеллами Э. По, «Судом в подземелье» Жуковского, «Идиотом» Достоевского («Ее он девочкой увез / На свой незлыблемый утес; <...> И сделал пленницу женой»), «Нищим» Подолинского («Граф Роберт смертный грех свершил. / Он брата своего убил...») и др.

Литература

Источники

Аксаков 1845 — Аксаков К. С. «Разговор» Ив. Тургенева // Москвитянин. 1845. Ч. 1, № 2. С. 49. Эл. версия размещена на сайте «Аксаков Константин Сергеевич»: <http://aksakov-k-s.lit-info.ru/aksakov-k-s/kritika/razgovor-turgeneva.htm>.

Бродский 2000 — Бродский И. [Из обсуждения докладов Э. Рейнольдса и А. Дикмана на конференции в честь столетия Мандельштама, Лондон, 1–5 июля 1991 г.] // Сохрани мою речь: записки Мандельштам. общества. М., 2000. Вып. 3. Ч. 2: Воспоминания. Материалы к биографии. Современники. С. 21–24.

Брюсов 1973 — Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]. М.: Худож. литература, 1973. Т. 1: Стихотворения. Поэмы, 1892–1909.

Васильев, Щербаков 1973 — Васильев М., Щербаков Р. Примечания // Брюсов В. Собрание сочинений: в 7 т. / под общ. ред. П. Г. Антокольского [и др.]. М.: Худож. литература, 1973. Т. 1. С. 637–654.

Григорьев 2001 — Григорьев Ап. Стихотворения. Поэмы. Драмы / вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. Б. Ф. Егорова. СПб.: Гуманитар. агентство «Академический проект», 2001.

Гумилев 1999 — Гумилев Н. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. / гл. ред. Н. Н. Скатов. М.: Воскресенье, 1999. Т. 3: Стихотворения. Поэмы (1914–1918).

Дельвиг 1830 — Дельвиг А. А. «Нищий». Сочинение А. Подолинского // Литературная газета. 1830. № 19. С. 154. Эл. версия размещена на сайте «Дельвиг Антон Антонович»: <http://delvig.lit-info.ru/delvig/kritika/nischij-sochinenie-podolinskogo.htm>

Жуковский 1956 — Жуковский В. А. Стихотворения / вступит. статья, подгот. текста и примеч. Н. В. Измайлова. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1956.

Лермонтов 1980 — Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: в 4 т. / отв. ред. В. А. Мануйлов. 2-е изд., испр. и доп. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1980. Т. 2: Поэмы.

Некрасов 1981 — Некрасов Н. А. Полное собрание сочинений и писем: в 15 т. / гл. ред. М. Б. Храпченко. Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1981. Т. 2: Стихотворения 1855–1866 гг.

Подолинский 1985 — Подолинский А. И. Нищий // Русская романтическая поэма. М.: Правда, 1985. С. 396–413.

Тургенев 1970 — Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы / вступит. статья, подгот. текста и примеч. И. Ямпольского. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1970.

Чуковский 2012 — Борьба с «Чуковщиной» (документы 20-х годов) // Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2012. Т. 2: От двух до пяти; Литература и школа; Серебряный герб; Приложение / сост., коммент. Е. Чуковской. Эл. версия размещена на сайте «Некоммерческая электронная библиотека „ImWerden“»: https://imwerden.de/pdf/chukovsky_ss_v_15-ti_tt_tom02_2012.pdf.

Чуковский 2013 — Чуковский К. Собрание сочинений: в 15 т. 2-е изд., электронное, испр. М.: Агентство ФТМ, Лтд, 2013. Т. 1: Произведения для детей / сост., коммент. Е. Чуковской. Эл. версия размещена на сайте «Некоммерческая электронная библиотека „ImWerden“»: https://imwerden.de/pdf/chukovsky_ss_v_15-ti_tt_tom01_2012.pdf.

Языков 1964 — Языков Н. М. Полное собрание стихотворений / вступит. статья, подгот. текста и примеч. К. К. Бухмейер. М.; Л.: Сов. писатель, 1964.

Исследования

Арзамасцева 2006 — Арзамасцева И. Н. Художественная концепция детства в русской литературе 1900–1930-х годов: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.

Ашукин, Щербаков 2006 — Ашукин Н., Щербаков Р. Брюсов. М.: Молодая гвардия, 2006.

Безродный 1987 — Безродный М. Ключи сказки: [рецензия] // Литературное обозрение. 1987. № 9. С. 61–64. Рец. на кн.: Петровский М. С. Книги нашего детства. М.: Книга, 1986. 286 с.

Гаспаров 2000 — Гаспаров М. Л. Русский стих как зеркало постсоветской культуры // Гаспаров М. Л. Очерк истории русского стиха. М.: Фортуна Лимитед, 2000. С. 306–314.

Гаспаров, Паперно 1975 — Гаспаров Б. М., Паперно И. А. «Крокодил» К. И. Чуковского: к реконструкции ритмико-семантических аллюзий // Тезисы I Всесоюз. (III) конф. «Творчество А. А. Блока и русская культура XX века». Тарту: [ТГУ], 1975. С. 165–169.

Жирмунский 1966 — Жирмунский В. М. Стих и перевод (из истории романтической поэмы) // Русско-европейские литературные связи: сб. статей к 70-летию со дня рождения академика М. П. Алексеева. М.; Л.: Наука, Ленингр. отделение, 1966. С. 423–433.

Жирмунский 1978 — Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин; Пушкин и западные литературы: избр. труды. Л.: Наука (Ленингр. отделение), 1978.

Крокодил 2018 — Крокодил Крокодилович: «этапы большого пути» // Вести образования. 2018. № 1(153). URL: <http://edition.vogazeta.ru/ivo/info/15059.html>.

Петровский 1962 — Петровский М. Корней Чуковский: книга о детском писателе. [2-е изд., испр. и доп.]. М.: Детгиз, 1962.

Петровский 1966 — Петровский М. Книга о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1966.

Петровский 1986 — Петровский М. Крокодил в Петрограде // Петровский М. Книги нашего детства. М.: Книга, 1986. URL: <http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/krokodil-v-petrograde>.

Петровский 2002 — Петровский М. Поэт Корней Чуковский // Чуковский К. Стихотворения / вступит. статья, сост., подгот. текста и примеч. М. С. Петровского. СПб.: Академический проект, 2002. С. 5–60.

Петровский 2011 — Петровский М. В Африку бегом // Новый мир. 2011. № 1. С. 145–170. URL: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/2011/1/v-afriku-begom.html.

Розанов 1920 — Розанов И. Певец молчания (о стихотворениях Тургенева) // Творчество Тургенева: сб. статей / под ред. И. Н. Розанова и Ю. М. Соколова. М.: Задруга, 1920. С. 40–69.

Розанов 1941 — Розанов И. Лермонтов в истории русского стиха // М. Ю. Лермонтов. М.: Изд-во АН СССР, 1941. Кн. 1. С. 425–468. (Лит. наследство; Т. 43/44).

Тименчик 2011 — Тименчик Р. Об одном источнике «Крокодила» // Некалендарный XX век. Мусатовские чтения. М.: Азбуковник, 2011. С. 72–83.

Ямпольский 1970 — Ямпольский И. Поэзия И. С. Тургенева // Тургенев И. С. Стихотворения и поэмы / вступит. статья, подгот. текста и примеч. И. Ямпольского. Л.: Сов. писатель. Ленингр. отделение, 1970. С. 5–59.

References

Arzamastseva 2006 — Arzamastseva, I. N. (2006). Khudozhestvennaya kontseptsiya detstva v russkoy literature 1900–1930-kh godov [Artistic concept of childhood in the Russian literature of 1900s–1930s] (habilitation dissertation). Moscow: Moscow State Pedagogical University.

Ashukin, Shcherbakov 2006 — Ashukin, N., Shcherbakov, R. (2006). [Bryusov]. Moscow: Molodaya gvardiya.

Bezrodnyy 1987 — Bezrodnyy, M. (1987). Klyuchi skazki [Keys to fairy tales] [Review of the book *Knigi nashego detstva* [Books of our childhood], by M. S. Petrovskiy]. *Literaturnoe obozrenie*, 9, 61–64.

Gasparov, Paperno 1975 — Gasparov, B. M., Paperno, I. A. (1975). “Krokodil” K. I. Chukovskogo: k rekonstruktsii ritmiko-semanticheskikh allyuziy [“Krokodil” by K. I. Chukovskiy: reconstructing textual rhythmic-semantic allusions]. In *Tezisy I Vsesoyuz. (III) konf. “Tvorchestvo A. A. Bloka i russkaya kul’tura XX veka”* [Theses of the 1st All-Union (III) Conference “Creative activity of A. A. Blok and the Russian culture of the 20th century”] (pp. 165–169). Tartu: Tartu State University.

Gasparov 2000 — Gasparov, M. L. (2000). Russkiy stikh kak zerkalo postsovet-skoy kul'tury [Russian verse as a mirror of the post-Soviet culture]. In Gasparov, M. L. Ocherk istorii russkogo stikha [An essay on the history of the Russian verse] (pp. 306–314). Moscow: Fortuna Limited.

Krokodil 2018 — Krokodil (2018). Krokodil Krokodilovich: “etapy bol'shogo puti” [Krokodil Krokodilovich: “stages of the long way”]. *Vesti obrazovaniya*, 1 (153). Retrieved from <http://edition.vogazeta.ru/ivo/info/15059.html>.

Petrovskiy 1962 — Petrovskiy, M. (1962). Korney Chukovskiy: kniga o detskom pisatele [Korney Chukovskiy: a book about a children's author]. (2nd ed.). Moscow: Detgiz.

Petrovskiy 1966 — Petrovskiy, M. (1966). Kniga o Kornee Chukovskom [A book about Korney Chukovskiy]. Moscow: Sovetskiiy pisatel', 1966.

Petrovskiy 1986 — Petrovskiy, M. (1986). Krokodil v Petrograde [A crocodile in Petrograd]. In Petrovskiy, M. Knigi nashego detstva [Books of our childhood]. Moscow: Kniga. Retrieved from <http://www.chukfamily.ru/kornei/bibliografiya/articles-bibliografiya/krokodil-v-petrograde>.

Petrovskiy 2002 — Petrovskiy, M. (2002). Poet Korney Chukovskiy [Poet Korney Chukovskiy]. In Chukovskiy, K. Stikhotvoreniya [Poems] (pp. 5–60). Saint-Petersburg: Akademicheskiiy proekt.

Petrovskiy 2011 — Petrovskiy, M. (2011). V Afriku begom [Running to Africa]. *Novyy mir*, 1, 145–170. Retrieved from <https://magazines.gorky.media/novyimi/2011/1/v-afriku-begom.html>

Rozanov 1920 — Rozanov, I. (1920). Pevets molchaniya (o stikhotvorennykh Turgeneva) [Singer of silence (on Turgenev's poems)]. In I. N. Rozanov, Sokolov Yu. M. (Eds.) *Tvorchestvo Turgeneva: sb. statey* [Creative activity of Turgenev: collection of works] (pp. 40–69). Moscow: Zadruga.

Rozanov 1941 — Rozanov, I. (1941). Lermontov v istorii russkogo stikha [Lermontov in the history of the Russian verse]. In M. Yu. Lermontov [Collected works] (pp. 425–468). Moscow: Izd-vo AN SSSR, Book 1. (Literaturnoe nasledstvo; T. 43/44).

Timenchik 2011 — Timenchik, R. (2011). Ob odnom istochnike “Krokodila” [On the source text of “Krokodil”]. In *Nekalendarnyy XX vek. Musatovskie chteniya* [Non-calendar 20th century. Musatov readings] (pp. 72–83). Moscow: Azbukovnik.

Yampol'skiy 1970 — Yampol'skiy, I. (1970) Poeziya I. S. Turgeneva [I. S. Turgenev's poetry]. In I. S. Turgenev *Stikhotvoreniya i poemy* [Short and larger poems] (pp. 5–59). Leningrad: Sovetskiiy pisatel', Leningradskoe otdelenie.

Zhirmunskiy 1966 — Zhirmunskiy, V. M. (1966). Stikh i perevod (iz istorii romanticheskoy poemy) [Verse and translation (from the history of the romantic poem)]. In *Russko-evropeyskie literaturnye svyazi: sb. statey k 70-letiyu so*

dnya rozhdeniya akademika M. P. Alekseeva [Russian-European literary links: collection of works dedicated to the 70th anniversary of academician M. P. Alekseev] (pp. 423–433). Moscow; Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.

Zhirmunskiy 1978 — Zhirmunskiy, V. M. (1978). Bayron i Pushkin; Pushkin i zapadnye literatury: izbr. trudy [Byron and Pushkin; Pushkin and Western literatures: selectas]. Leningrad: Nauka, Leningradskoe otdelenie.

Alexander Stepanov

Tver State University; Lanzhou University, China;

ORCID: 0000-0001-5342-3945

MONOLOGUE OF K. I. CHUKOVSKY'S CROCODILE: TOWARDS THE PROBLEM OF SOURCES AND PARALLELS

This article analyses the sources of Crocodile's monologue from the tale by K. I. Chukovsky and its parallels in the Russian poetic texts, predominantly of the 19th century. The monologue written in iambic tetrameter with masculine's pair rhymes, stands out from the polymetric composition of the poem in its length, "civic" sound, citations, parody. It evokes associations with a number of texts of metrical, lexical, motivic, and plot commonality. All of them go back to the "Prisoner of Chillon" by G. Byron translated by V. A. Zhukovsky, and from among the original Russian works it is "Mtsyri" by M. Yu. Lermontov. In Chukovsky's fairy tale, the original structural-semantic complex is parodically reinterpreted. Creating the "younger", "children's" branch of the revolutionary epic (B. M. Gasparov and I. A. Paperno), the author primarily resorted to the heritage of Russian classical poetry. By adapting it to the child's perception, he also left a semantic gap in the story that is accessible to the sophisticated reader. Crocodile's monologue, which contains the motives of freedom, imprisonment, confession, suffering, and oppression, prepared the young reader for the perception of romantic and democratic poetry that awaited him at a new stage of literary development ("works for youth").

Keywords: Prosody, masculine rhyme, semantics, rhythmic parallels, K. I. Chukovsky, Russian poetry for children